

Юлия Петрусевиچюте

АРХЕОЛОГИЯ ПЕРЕКРЕСТКА

Одесса
Optimum
2014

ББК 84 (4Укр=рус) 6 Од.
П 31

П 31 Петрусевиכותе, Ю.

Археология перекрестка. Стихотворения. – Одесса:
Изд-во «Optimum», 2014. – 201 с.: ил.

ISBN 978-966-344-575-5

ББК 84 (4укр=рус) 6 Од.

©Изд-во «Optimum», 2014

©Петрусевиכותе Юлиа, текст, рисунки, 2014

ISBN 978-966-344-575-5

я пишу на осенних листьях,
и тебе отсылаю с вечерней почтой
из далекого края, где голос – неясного шороха эхо,
поцелуи – дыхание влажного ветра,
где тепло руки бестелесно, а тело непрочно.
за рекой, из которой беспмятство пьешь, перевозчик
засмотрелся в туман и во сне перепутал столетья,
и, как некогда лодка рыбачья на раннем рассвете,
мы увидимся утром, а мост был из крыльев сорочьих.

*Зинаиде Владимировне Луговенко от автора.
Спасибо за все!*

КАМЕННАЯ КНИГА

* * *

А когда налетели грачи, мы надели шинели
И легли на асфальт, прикрывая прорехи на теле,
Утепляя пространство собой, укрывая от неба
Ржавый глиняный ломоть сухого пайкового хлеба.
Мы дрались с червяками за корку, за теплую норку,
Пили в черной горсти разведенную белую хлорку
И носили шинели всемирного серого братства,
Изнывая от страха, учили себя не бояться.
Изнывая от холода, грели себя, как умели,
А шинели-мишени держали прицел на пределе
Там, где видимость меркнет до самого края вселенной.
Только вечный асфальт обладал пустотой неизменной

* * *

А дом качался на ветру
И хлопал крыльями, взлетая,
Кружила в небе крыш крикливых стая,
И кто-то шел по гулкому двору.
По обнаженным лестницам наверх
Взбегал он, как по трапу самолета,
И двери в пустоту вели кого-то,
И окна раскрывались, как орех.
И в сердцевину этой синевы
Нырял какой-то он
Скворцом в пальтишке.
А город, рот раскрыв,
Глядел мальчишкой,
Все вверх роняя шапку с головы.

* * *

И кузнечик сидел на подушке, конек-горбунок.
Ерзал ножками, дергал усами, надкрыльями щелкал,
И настойчиво звал за собой, и потряхивал челкой,
И в прерывистом ржании слышался тихий упрек.

Вмерзли плечи в नेताющий лед голубой простыни,
И со снежной подушки никак не поднять головы.
Ходят по полу синие тени у самой земли,
И моргает пугливо ночник у дежурной сестры.

Ночь стоит за окном или день, – мой конек, подскажи.
Слишком тесно деревья сплелись – никакого просвета.
Мне на целую жизнь бы хватило солдатского хлеба,
Только как оно будет по-вашему – «целая жизнь»?

* * *

Перед сожжением прочти
Сухие листья. Ты почти
Забыл язык земного лета,
И пригородный поезд вез
Тебя с планеты на планету
В открытый космос, полный звезд.

Туда, где солнце и светила
Влечет безудержная сила
Навстречу полной немоте,
Где время на куски разбито,
И каждой калечной звезде
Своя начертана орбита.

Ты был один, и ты забыл,
Кто направляет бег светил.
Но тут к тебе пришел кузнечик,
Беспечный кум степной травы,
Июньской армии разведчик,
Царевич лета, брат молвы,

Запрыгнул в комнату, бродяга,
И зазвенел, и затрещал,
А с ним ввалилась дней ватага,
Ощерясь тучей медных жал.
Ватага пестрая, хмельная,
Вломилась, мутный сон сминая.

И ты очнулся. Над тобой
Смеялось бешеное лето,
И где-то в берег бил прибой,
И жизнь была сама собой,
Сама себе была ответом.

И брат кузнечик говорил
С Тем, Кто расчислил бег светил.

14 КАМЕННАЯ КНИГА

* * *

А потом на осенние улицы вышла война
И пошла тротуарами, пачкая вывески пеплом.
Пахло гарью, и город беспомощным стал и нелепым,
Как старуха процентщица, выжившая из ума.
Как старушка, монетки считает да ждет барышей,
Все пустые коробочки прячет, тесемки, бумажки,
Пожелтевшие прячет в комодик рубашки
И не видит резвящихся в мелочной лавке мышей.
Город жил суетою мышиною, спецвыпуски грыз,
По зачумленным улицам шмыгал и прятался в норку.
И разбрасывал дворник в подъездах вонючую хлорку
По приказу властей, чтобы город избавить от крыс.

* * *

А дни идут потоком черной крови,
И сердце не справляется взახлеб.
Белеет лоб. Между бровей вразлет
Чернеет лед. И коченеет в слове.

И все, что есть – дыхание и свет.
Коснись губами – воздух осязаем,
Свет льется, как вода. Коснись губами –
И догадаешься, что жизнь и есть ответ

На лед небытия застылых слов,
На пустоту в груди, на боль и муть.
Всего-то ничего – сумей вдохнуть
И смой со лба запекшуюся кровь.

* * *

Возьми в подарок горсть моей земли,
Где змеи спят в корнях полыни горькой,
Где соль спеклась на солнце твердой коркой
И где видны следы копыт в пыли.

Возьми в подарок и губами тронь,
И отзовется жарким медным звоном,
Чтоб гул пошел над полуднем каленым,
По рыжим травам – слышишь? – рыжий конь.

Не подковать, не оседлать коня,
Глядеть во все глаза, не шевелиться,
Как в искрах по степи летит жар-птица.
Дарю ее тебе. Она твоя.

18 КАМЕННАЯ КНИГА

* * *

Смотри – твоя свобода над костром
Танцует девочкой в дырявом красном платье,
Не зная власти азбучных понятий,
В огне беспечно пляшет босиком.

На углях, в искрах, в пляшущем дыму
Смеется, руки тонкие раскинув.
Ты был счастливым. Ты рожден счастливым.
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Тебе кузнечик брат, и ветер, и огонь –
По крови и по солнечной науке.
И если ты к огню протянешь руки –
Живой водой наполнится ладонь.

* * *

Если не думать о холоде ночью, сойдя с поезда
Где-то в степи на станции, помни, что лесополосы
Слишком полны деревьями, как города – деталями.
Нужная степень абстракции располагается далее.
Так вот, как было предложено, ночью выйди из поезда.
Рельсы лежат по касательной к шару, в иной плоскости.
Ты же сверяй направление
 с внутренним компасом космосом.
Двигайся самым неправильным и нелогичным образом.
Прочь от станции, к чертовым
Выселкам, в поле в белое,
Видимое отчетливо,
Полотно онемелое.

Прямо от рельсов, в черное
Небо, снегом забитое,
Тысячу раз перечеркнутое
Белым метеоритом,
Шитое белыми нитками,
Битое черными птицами,
В белой больнице выпитое
Черными пчелами-шприцами.
Там, в пустоте и холоде...
Впрочем, забудь о холоде.
Холод в такой ситуации
Вроде обмотки в проводе.
Ночью, уйдя от станции,
Предохраняйся холодом
В абсолютном пространственном
Коконе, внутрь разомкнутом.

Так, в темноту кромешную,
Ты уходи от станции.
Может, крылья прорежутся.
Может, тело отвалится.
Главное – в небе замершем
Все, что о поле вымершем
Ты до сих пор не узнал еще –
В эти часы отыщешь ты.
Только вот не расскажешь
И не поделишься опытом
Через полгода в стаявшем
Снеге. Окна захлопнуты.

* * *

И вот уже время готовится в самоубийцы,
И память сжигает синопсис, кромсая страницы.
Летят черно-белые птицы, строка за столицей,
И пламени отсвет багровый ложится на лица.

Я был твоим вечным врагом, быстротечное время,
А нынче склоняю колени – продолжи течение,
Стекай и секундами капай в студеную Лету,
Но не отдавай нас во власть неживому моменту.

Не здесь и сейчас, а тогда и потом жили старые были,
И мы были в них, и они нас в себе сохранили
Детьми и ключами, и тайной, и явью, былью
И повестью временных лет, и дорожной пылью.

Разорвана цепь, каждый день существует особо,
Вне связи событий, меж смыслов теряется слово,
Но капает кровь, насыщая иссохшую землю,
И травы слепые встают, ритму пламени внемля.

* * *

Мы не исчезли, мы ушли в траву,
Мы напоили кровью эти камни,
Мы к сыновьям приходим наяву,
Чтоб снова становиться сыновьями.

Мы алчно пьем горячий ветер дня,
Вгрызаемся в распаханную землю.
И сыновей рождает нам земля,
И нашей плотью прорастает семя.

Вернуться к ней и защитить, спасти
И долюбить ее, и дать ей имя.
Расти большой, мой Телемак, расти,
Мой лук натянут стрелами твоими.

* * *

О песчинке; о том, из чего состоят времена;
О ветвях и корнях; о бессмертии капли воды;
Об огне, о золе; о рождении новой беды;
О вселенной, которой ты должен найти имена,
А потом о свободе, и только о ней – до конца;
О пространстве внутри, о земле, о дороге и доме;
О реке, о твоих лошадях, о скрипучем пароме;
О свободе ты слышишь от первого, слышишь, лица!

* * *

А вы и не знали, что мокрое дерево пахнет ванилью,
А вы и не нюхали доски садовых качелей...
Кто бегал с грохочущим обручем старой аллеей –
Догнал свою пулю давно и рассыпался пылью.
Но грохот железного обруча все еще слышен,
И пахнет ванилью доска, пьет улитка из лужи.
А топот и смех из аллеи все тише и глуше,
И пятна на белой матроске от вишен, от вишен...

* * *

На смуглые ноги – плетение пестрых сандалий!
На сильное тело – льняные прохладные складки!
По выжженным травам бегом – по песку, без оглядки,
Без тени сомнений, на голос – ты слышишь, позвали!
Откуда-то с моря, а может, окликнули сверху
Пронзительным голосом сокола, россыпью звонов,
Крылом поманили, струну одинокую тронув.
Крылом поманили, и струны ответили смехом.
И вот мы бежим по песку и хохочем, а рядом
Летит и хохочет, песка не касаясь ногами,
Крылатая девочка, солнечный ветер и пламя.
Крылатая девочка с темным всевидящим взглядом.

* * *

Поэт проходит городом, как миром,
И тротуары переходит вброд.
Бегут стада машин, а он идет,
Идет в Аид за Эвридикой милой

Заходит в гастрономы, во дворы,
В подъезды, коридоры, двери, двери
Насквозь, навывлет, напролет, и верит,
Что соблюдает правила игры.

Что тьма вот-вот отдаст родную тень,
И тень оденется любимой плотью
И босиком пройдет по мелководью
Из полумрака в белый-белый день...

* * *

Пути перепутаны, травами тропы увиты.
Пойдешь напрямик – поведет по кривой на круги,
На древнее поле какой-то неведомой битвы,
Где спят вперемешку, обнявшись, свои и враги.

Пути перепутать, свести за околицу, лесом
С мешком и ауком направить в другие края,
Укромнее лисьей норы за незримой завесой
Упрятать следы и приметы тепла и жилья.

Хвостом заметая сухие осенние листья,
Я дом обвожу заколдованным кругом теней.
И лес вырастает, и шкурка лукавая лисья
Осенним листком затеряется в чаще теней.

* * *

Через тысячу лет или более тысячи лет
Мы открыли глаза, а у неба другое лицо...
И на ощупь земля не похожа на земь праотцов,
А у ветра отчетливый привкус горелых газет.

А на листьях травы непонятные нам письма —
Адаптация древнего текста под нынешний день.
Стройность архитектуры ветвей камуфлирует тень.
Маскировочной сеткой на землю ложится война.

Но приняхалось море к тебе и лизнуло ладонь,
И взревело, и сжало в объятиях, разом признав.
И уже показался вдали над верхушками трав,
И летит, распластавшись, по ветру оседланный конь...

* * *

Композиция в музыке – это отход от жесткой,
Примитивной схемы, заданной нам плоской
Перспективой гор, к полноте и сути дыханья;
Это строгость кристалла, вместившего мирозданье.

Что сказал Вивальди о ритме в миропорядке
Узнаешь из «Времен» – «Зима», «Адажио», «Святки».
Не поспоришь и уж тем более ничего не добавишь,
Даже если на ощупь найдешь сочетание клавиш,

Ключ от двери, ведущей из мелочной лавки контекста
В абстракцию и геометрию спящего леса,
Под готический свод зодиака, во внутренность скрипки, –
Наблюдать ход звезды, отраженный глазами улитки,

Чтоб, войдя в портал хорошо темперированного клавира,
Ощущать себя гармонической схемой мира.

* * *

Дорога пахнет дымом. Стынет тень.
Стекает небо в чашу спящих роц.
Корова меж рогами косит ночь,
А лев в огнистых лапах стиснул день.

На черном небе кружки с молоком –
Доил пастух небесные стада,
Зарниц огневолосых череда
Платок прожгла по краю угольком.

Разорванный, запекся кровью крик
Немых степных богов, не званых в дом,
Сидящих с нами за одним столом
Незримо, но бесспорно, как двойник.

Их, как магнит, притягивает хлеб
И плоти беззащитное тепло.
Гляди, нам славно шкуру припекло,
И дымом пахнет хлеб, и хлебом – степь...

* * *

Над городом птицы, как черные проклятых души
Их жалкие крики – упреки провидцам грядущим
О том, что случилось, о том, что уже не случится.
Кричит и кричит с обожженными крыльями птица.
Кричит и кричит, и кружится над улицей темной
Безумная стая химер или просто вороны.
Парад авиации адской, нашествие с Марса,
Вторжение, пепел горящих небес, вопиющая плазма.
Над городом кружится ужас, проклятие века,
И гадит на головы граждан так щедро и метко,
И метит, и мечет прохожим на скорую прибыль,
Всем прочим злорадно суля непременно гибель.
И громко кричит, предрекая грядущее пламя,
В котором дотла догорят времена вместе с нами...

* * *

Евтерпа, Клио, Каллиопа...
Холодных яблок в октябре
Спит запах; в жестяном ведре
Колодезной воды озноба

Мы не увидим поутру
И не вернемся на террасу.
Не нам к назначенному часу
Спускаться в сумерках к пруду.

Разрушен дом, и сада нет...
Мы на неведомой планете.
По пустоши гоняет ветер
Обрывки завтрашних газет.

Я знаю все, себя не зная, –
Смеется где-то соловей.
Тень дерева. В тени ветвей
Звезда запуталась седая.

* * *

Нова міфологія бавиться вистиглим містом,
Сидить у кав'ярнях, смакуючи сербське кіно,
У білий екран зазираючи, як у вікно,
І Вікножирафу останню наповнює змістом.

Де ті барикади, бруківка у плямах, сувій
Міських тротуарів, літопис, заляпаний брудом?
Гойдаються біля вітрини бліді ліхтарі
Та дивне чудовисько спить у химерній споруді.

Ще мить – і прокинеться, висолопить язика
І висмокче вибляклу мову з книгарень і мізків.
Нова міфологія бавиться вистиглим містом...
Символіка незрозуміла, а кава гірка.

* * *

Чернорабочие руки и белые строки,
Волком печатая лапы по белому снегу,
Кто-то уходит от ловчих и гончих эпохи...
Мысль о побеге теперь равноценна побегу.
Кто-то бежит, задыхаясь, осякаясь, хмелея,
К черному лесу по белому полю, а свора
Сыплется следом безумной кометой Галлея,
Черной хвостатой звездой неземного простора.
Бейте, охотники, лайте, собаки, гоните
К лесу – объятая раскрыты, и нам будут рады
Те, кто до нас избежал и погонь, и засады,
И приготовил нам эту лесную обитель.

* * *

Никак не понять – а витрины лыбятся!
Никак не услышать – а радио ржет!
По улицам катятся ржавые мыльницы,
И прет мимо сладких витрин пешеход.
Движения губ онемели в усилии
Улыбку стереть с прорезиненных лиц,
Застыли, бессильные, мертвенно синие,
Как буквы сгорающих в угли страниц.
Повсюду костры – эй, гори-гори ясно! –
И черные птички летят на тот свет.
Дневное светило взяло и погасло,
И близится Герман, а полночи нет...

* * *

Здесь под вечер темнеет в глазах и сгущается страх,
И приходит рассвет с понятами, с телегой на обыск,
И особой уликой становится старенький глобус
С матерщинкой, написанной пастой на двух полюсах.
Проплывая над крышами, ангельская эскадрилья
Ни с того ни с сего нам на выручку вышлет десант.
И ворвутся хранители в окна, их крылья блестя,
Как на Пьяццо Сан Марко блестя голубиные крылья.

Может быть, я забуду обиды, и бремя забот
С плеч моих упадет, как балласт

прежде сброшенной плоти...

Самолетик бумажный летит к долгожданной свободе,
И крылатые львы наблюдают скользкий полет...

* * *

Вчера ты был счастлив, вчера ты был раб
Своей абсолютной свободы, свободен и пуст.
Ты слушал замерзшего времени режущий хруст
У самого моря, покуда совсем не озяб.
А время скрипело ракушками под каблуком,
Играло с тобой в догонялки, как глупый щенок,
Чертило узоры и петли, стелилось у ног
И честно делило себя на сейчас и потом.
Вчера ты весь день прошатался у серой воды
Без памяти и без печали, вне чисел и дней.
Вчера ты был пленник прекрасной свободы своей
И серой воды, и она заливала следы...

* * *

Узнаю – на ощупь.
Пальцы тяну – жжется.
Это – соль на ресницах,
Это – зрачков кольца,
Это – боль, это – пыль на дороге,
Это – дорога,
Это – жалость и страх, и мольба – но еще немного
Погоди, задержись,
Позволь еще задержаться,
Пока жжется жизнь в онемевших сведенных пальцах,
Пока пыль щекочет ступни и кивают травы
Постоим чуть-чуть напоследок у переправы.
Та минута и будет жизнью, и будет длиться,
Пока ты глядишь, пока ты не сомкнул ресницы.
Так гляди на меня неотрывно, смигнуть не смея,
Пока горстью песка глаза не засыплет время

Ты смигнешь – и я захлебнусь темнотой студеной
И, как камень, уйду на дно, и исчезну в волнах...
На твоей горячей сетчатке я таю бликом...
Сохрани меня именем или хотя бы криком...

* * *

Стынет окнами дом, облетает снегами январь,
Обметаёт пороги запасливый век-домосед.
Вон как мечется в яме двора беззащитный фонарь!
Жадно пялится окнами ночь на испуганный свет.

Это сыплется время песчинками, снежной крупой,
И, по горло засыпаны временем, спят города.
А фонарик дрожит на ветру, рядовой часовой,
Размышляя о вечности, как аналогии льда.

Время было водой или снегом, струилось, текло
И застыло кристаллом, и замерло. Ночь на часах
Меж ладонями прячет свечу, и живое тепло
Отражается, влажно блестя в ненасытных глазах.

* * *

Онемевший поэт и ослепший художник,
Постаревший ребенок, безумный старик
Пишут пулями хронику из неотложек
Из безумных газет и растерзанных книг

Коллажи и рекламные клипы, витрины
Витражи, мониторы, экраны, щиты
Беззащитные лица, сутулые спины
Обнаженные руки, глазницы пусты

Пулевые отверстия, дыры навывлет
Автоматная очередь – и наповал
Труп эпохи надушен, накрахмален и вымыт
На застывшем лице застывает оскал

Пистолетные росчерки, залп многоточий
Пунктуация выстрелов, странные сны
Путевые заметки сожженных обочин
На полях поражений последней войны

Эта хроника не для грядущих потомков
Повесть временных лет – это для марсиан
Онемевший поэт, потерявшись в потемках
Не за словом – за магнумом лезет в карман

Онемевший поэт и ослепший художник
Постаревший ребенок, безумный старик
Пишут пулями летописи неотложек
Заголовки газет и названия книг

Пишут тексты для радио и телебрета
Автоматная очередь. В сгустке вранья
Сжавшись в жалкий комок, умирает Победа
Или, может быть, ты, или, может быть, я.

* * *

Над спокойной водой
Помолчи, милый брат.
Мы утопим ключи
И вернемся назад,
В старый дедовский дом,
Где мы были всегда,
Где по крыше стекает
слепая вода.
Говорят, здесь когда-то
был пол земляной.
Стол дубовый стоял
На восток головой.
И на этом столе
Деда мать родила.

Дом стоял на земле.
Вот такие дела.
Милый брат, нас давно
Заждались за столом
Дед и бабка, и прадед,
А главное – дом.
Будто вести, на плечи
Принял груз наших дней.
Дед выходит под вечер
И сзывает детей.

* * *

А мне-то что? Мне зимний
Холод в кайф.
И все ее затеи и метели
Милы мне.
Я гляжу,
как в самом деле
с апрелем сочетается февраль.
Как март, и белозуб,
И синеглаз
Дурит в своей разбойничьей повадке.
То солнечным, то ветреным, то зябким,
То снежным предстает он всякий раз.
Декабрь идет за руку с январем.
Февраль со всеми чехарду затеял.

А март валяет дурака с апрелем.
И путаница слаще с каждым днем.
Мы радуемся этой новизне
Промокшим зимним курткам и ботинкам,
Танцуем в лужах буйную лезгинку
И машем вслед растрепанной зиме.
Теперь мы будем живы
По ночам
За окнами кричит маяк, и птичьи
Слышны шальные крики электрички.
А значит, кто-то отвечает нам.

* * *

Ну что же, похоже, мне нечего больше сказать
Не надо вопросов.
Я буду искать пифагорову мать
В земле малороссов
Где я самый малый из всех россиян
Худышка-малявка
И добрые бабы жалеют меня
И кормят добавкой
Где я не подкидыш, а здешний больной домовой.
Без печки
Вконец онемевший кузнечик.
Сверчок, урожденный изгой бесконечный.

* * *

А мы все о любви да о печали
О сладкой крови да горьком дыме
А дальше выдохлись и подустали
А прежде поленились и забыли
А там, в слепом пятне, стояло время
И молча терпеливо выжидало
Пока звенел тот самый бег оленей
Пока пчелы дрожало злое жало
Пока секунда длится, длится, длится
И нам дает возможность пробудиться
Открыть глаза, почуяв чей-то взгляд
Мгновение повисло на ресницах
Век подымает вежды и глядится
В мое лицо, как в зеркало глядят.

* * *

Что с тобой, птица, ты где потеряла ботинки
Лапы замерзли, наощупь как хрупки льдинки
Где ты гуляла всю ночь, башмаки потеряла
В мокрые перья закуталась как в одеяло
Что же тебе не летается и не поется
Что тебе, черная, ноется все да нейметя
Там, за рекой, черногривый гуляет на воле
То у воды, то срывается в дикое поле
Что ты за реку глядишь так темно и тоскливо
И не твоим ли крылом смята черная грива

ПОЛНОЕ ЗАТМЕНИЕ

* * *

Дрожит земная ось, гудит, дрожа,
И я дышу во власти этой дрожи.
Мне страшно жить, но все же, все же, все же –
Блеснули крылья черного стрижа.

И губы вновь прокушены, и рот
Опять твердит бессмысленную песню,
Что смерть является психической болезнью,
И что никто, конечно, не умрет.

Ну что ж, лети, лети, мой черный стриж,
Срезай крылом земную оболочку,
Черти на белом небе черным строчку
И повторяй кардиограмму крыш.

Черти единым росчерком пера
Биенье пульса, маленький сейсмограф,
Толчки земной коры, апостроф-остров,
И точку ставь. Давно уже пора.

* * *

Не город откинулся навзничь, а ты умираешь,
Уходишь в открытое небо, и в небо глядишь,
Качаясь на мелкой волне над мозаикой крыш.
Бумажный кораблик, ночной самолетик, товарищ,

Дружок, мой братишка, веселый и ласковый друг
Воздушного змея опять запускает на крыше,
И тот высоту набирает – все выше и выше –
И вдруг выпускаешь дрожащую леску из рук.

* * *

А я гляжу в холодное окно,
Хоть изначально мне дано немного —
Сидеть у невысокого порога
Да знай себе крутить веретено...

Не утонуть бы мне в твоём аду!
С наречьями чужими не в ладу,
Я прыгаю в чужую речь, как в воду,
Чтобы за хвост схватить глубинный смысл,
Но разевает рот немая мысль
И обретает тайную свободу,
И мимо строк летит с ладони ввысь.

* * *

я дышу перегаром империй
в ледяные ладошки страха
то, что мы считали потерей
было только горстями праха

я несмело живу на ощупь
и учусь узнавать предметы
оказалось ненужной ношей
то, что мы считали победой

за победу платили свободой
за свободу платили победой
оказалось судьбой народной
то, что прежде считали бредом

то, что было горстями пыли,
оказалось насущным хлебом
объясни, для чего мы были,
если нас поглотила небыль.

* * *

Жадный, грязный, простой, равнодушный,
Онемевший и лживый, двурушный,
Этот город стоит надо мной.
В этом городе смерть, особенно в начале года –
Единственный комментарий для слова «свобода»,
Наиболее часто употребительного зимой.

Здесь бесформенность жизни
так ослабляет поиски смысла,
Что важнее угла ослабевшего зрения биссектриса,
Разделившая то, что есть и то, что осталось
Соответственно – на тебя, живого, и старость.

Старость вписана в город, условно –
в угол – окружность.

В перспективу такую взглянув, ощущаешь ужас,
И дрожащие пальцы ощупывают пространство,
Что, по сути, бессмысленно.

Плоть – синоним непостоянства.

68 ПОЛНОЕ ЗАТМЕНИЕ

* * *

И дело не в русской Музе,
А просто все туже узел
На горле у самой мысли,
На тоненькой шее песни.

От бесполезного груза
Спешат избавиться жизни,
Сметая слова, как мусор,
Стирая слова, как плесень.

И дело не в смертной казни,
А просто все больше грязи
Вываливается наружу
Из всякой смердящей дырки,

И пьют ее без боязни,
Лакают прямо из лужи,
Не ведая о заразе,
Рожденные из пробирки.

* * *

Мы лежим на обочине. Наши тела не остыли.
Мы прошли через это, утратив всего лишь тела.
Мы любили полынь и теперь обернемся полынью.
Мы уже далеко. Нас и пуля догнать не смогла.

Было страшно.

Ты помнишь, как нас колотило в жестоком ознобе
(Вкус железа во рту и под ребрами твердый комок).
Все уже позади. Мы теперь ущемляемся в слове.
Нас уже не возьмут. Мы ушли за пределы дорог.

Это наша свобода – свобода уйти и остаться,
И продлить бесконечно мгновение, или в конце
Захлебнуться, упасть и прижаться к кусочку пространства
И почувствовать капли дождя на застывшем лице.

* * *

И мир над ним свершал круговорот,
И тьма над ним стояла, как на страже,
И время ткало шерстяную пряжу,
Не ведая, который нынче год.

Топорщило кошачью шерсть, глядело
Слепым совиным взглядом и скрипело,
Шуршало, шебуршилось, как сверчок,
Царапало когтистой лапой стекла
И цокало, и свиристело в окна,
Сужалось, расширялось, как зрачок.

* * *

Под Рождество на город пал туман,
А после выпал снег и лег на крыши,
Как лед на лоб кладут, чтоб жар утишить,
Как револьвер легко кладут в карман.

И снег впитал, как бинт, и кровь, и гной
Из воспаленной раны, спекся коркой.
Присыпан стрептоцидом или хлоркой,
Он быть переставал самим собой

И становился чем-то вроде нас –
Незванным гостем в неурочный час,
Ночной гуляка, завалившись в сквер,
Он ищет спички по карманам брюк,
Не вынимает задрожавших рук,
В кармане обнаружив револьвер.

* * *

Мертвые уходили
Сквозь толпу на вокзале.
Мы провожали не поезд,
Мертвых мы провожали.

Сквозь толчею перрона
Мертвые проходили,
Крики электровозов
Криками мертвых стыли.

Над скрещением рельсов
По осеннему дыму,
Не умея согреться,
Провожали любимых.

Без багажа, без места,
Без билета, без шапки
Над скрещением рельсов
Без конца, без оглядки.

Мы уходили с дымом
Мимо перрона, мимо
Станции, прямо, прямо...

* * *

И бледный ряд бесплодных фонарей,
Как призраки ушедшего столетья,
Как символы несбывшегося счастья...
Лоб в ореоле спутанных ветвей,
Осанка властелина не у власти –
Высокопарный образ чистой смерти.

И тьма вокруг. Прижми горячий лоб
К дрожащему стволу железной плоти...
Тьма за твоей спиной и тьма напротив,
И времени безудержный озноб.

Здесь нервный центр эпохи. Узелок.
Едва коснись – и содрогнется поле,

И спазм пройдет. Ты корчишься от боли.
Здесь пропустили переменный ток.

И ты теперь в цепи. Ты проводник.
И связь времен тобою сохранится.
Дописана еще одна страница.
Переверни – и продолжай дневник.

78 ПОЛНОЕ ЗАТМЕНИЕ

* * *

Куда ты ведешь нас, дружок Крысолов,
Под песню без слов мимо ночи без снов?
Любовь? Не смей меня, брат Крысолов.
Наш проклятый город к любви не готов.

Здесь в черном плаще государит чума,
Врываясь с порывами ветра в дома,
Танцую на крышах, сводя их с ума
Лишая прохожих последнего сна.

Со дна переулков до шпилей и крыш
Взлетает отточенным лезвием стриж.
Со свистом ныряя в предсмертную тишь
Над городом кружишь, на шпиле сидишь,

Глядишь с высоты на асфальт мостовой,
Повиснув над улицей вниз головой.
Но флейта чуть слышно поет за стеной..
Играй, Крысолов, мы идем за тобой.

* * *

Прости этот страх. На ладонях засохшая грязь.
Мы уходим, бредем, по инерции жалко смеясь.

Кто бы нас пожалел, мы бредем, мы уходим впотьмах,
И на наших щеках стынет грязь, растворяясь в слезах.

Лабринтами улиц, гробницами спящих домов,
Фортепьянным пробегом по клавишам лестниц дворов,

Подворотен, подъездов, парадных, прихожих, углов
Мы уходим, бежим, не оставив ни слез, ни следов.

Мы уходим из города, из воспоминаний и снов
Под железные крики летящих во тьму поездов.

Мы уносим заразу, уносим чуму на плечах,
Мы уносим из города смерть, мы уходим впотьмах.

* * *

Отстрелялась моя пехота,
Прилегла в снега отдохнуть.
Для последнего перелета
Нужно ветром проверить путь.
Черной кровью проталин рваных
Набухает небесный свод.
Был солдатик с веком на равных,
Только равный его убьет,

Закопает в сырое небо
И присыплет слепым снежком...
И приходит к нему Победа
В рваном платъице и пешком.

Спите, мальчики, в синих травах,
Набирайтесь в дорогу сил,
Кто был с этой землей на равных,
Кто кого на земле убил.
Спите, мальчики, корни в небо...
Век не волк, небось, не сожрет.
Снег на землю ложится слепо,
Только равный его убьет.

* * *

И как – уму непостижимо –
Застыло море, не дыша...
И дымом горьким и любимым
Исходит из костра душа...
Оцепенели травы в поле
И наблюдают перелет,
Не помня пламени и боли,
Раскинув руки, дым плывет
Все выше, выше над обрывом,
В беспамятстве кружись, кружись,
Забудь слова и стань мотивом,
И обрети иную жизнь
В устах и памяти, и дыме,
В слезах, промытых, как стекло...
Обрызгал дождь – и отпустило...
А ветер дунул – и прошло.

* * *

Входи, входи, бродяга Франсуа!
Взлетает ночь, седая как сова.
По улицам рассыпаны слова.
Пасть порвала базарная молва.
По мостовым разорванный подол
Метет пургу и гонит за семь сел,
Дурит, дурит, шалава, гонит на
Худой конец. Провал. Тупик. Стена.
Там холодно снаружи. Осень. Дождь.
В озябшем рукаве озябший нож.
Где ты теперь пристанище найдешь?
Куда еще беспутный нищий вхож?
Кто впустит темной ночью школяра?

Входя в мой дом, останься до утра,
Не возвращайся в стылое вчера...
Пускай в груди затянется дыра,
Пусть отрастет отрезанный язык,
В немое горло возвратится крик,
Блеснет в твоей ухмылке волчий клык,
И два железных века станут встык,
И шмыгнет черный лис из тьмы ночной
В беспечный век и в дом, открытый мной...

* * *

О мой всадник измученный, где нам друг друга искать?
За тобою пустили по следу бесплотную рать.
О мой всадник испуганный, как нам друг друга найти?
Темный лес на пути, только хаос ветвей впереди.
Только хаос ветвей, только серое небо в просвет...
Через тысячу лет, может, где и отыщется след,
Через тысячу верст, окликая друг друга, душа
За душою спешит без дорог, напрямик, чуть дыша.
Я не слышу ни звона поводеев, ни стука копыт,
Только слабое эхо над царством древесным летит,
Только отблеск надежды, что ты где-то там, вдалеке
Заставляет за эхом спешить, приближаясь к реке.

* * *

Мы уносим не смерть, только самую память о смерти.
Мы уносим не крик, только эхо его на губах.
Не дорогу, а пыль придорожную, пепел и прах,
Свет – не свет, не свечу, а лишь воспоминанье о свете.
Прохудился карман, и просыпалась мелочь в песок.
Утекает сквозь пальцы вода, не удержишь в горсти.
О как мало дозволено нам за черту унести,
Только крохи, обрывки, осколки, дырявый мешок...
Налетят журавли, возвращаются в полдень, в июнь,
И в холодную землю стекают июньским дождем.
Мы глядим в распростертое небо веками. Мы ждем.
Горечь памяти белой полыни почувствуешь – сплюнь.

* * *

Моя девочка, руки твои в своих стынущих пальцах
Не могу удержать, но прощальным коснусь поцелуем.
Моя девочка, ветер уносит нас в разные царства,
За зеркальные воды реки на дорогу иную.
Страшный год между нами стоит, растопырив глазницы...

КНИГА АЛОЙ И БЕЛОЙ ЛУНЫ

* * *

В холодных подворотнях стынет свет,
И мы уходим в теплые квартиры
И закрываем дверь. И власти мира
До самого утра над нами нет.

В аквариумах собственных домов
Друг друга принимаем, как лекарства,
И бледная химера государства
Становится набором стертых слов.

Жизнь обретает запах, вес и цвет
И обрастает мелочью деталей.
И Марс в ночном окне куда реальней,
Чем утренние выпуски газет,

Которых нет. Взамен жестокий глаз
Глядит на нас до самого рассвета.
Со следа не собьется волк. Планета
Готовится к вторжению на Марс.

* * *

Что-то случилось. Луна кровоточит всю ночь.
Звезды окрашены. Капают метеориты
Прямо из космоса на побережье Флориды.
Над Бухарой и Балканами огненный дождь.

Я не боюсь ни пророчеств, ни снов, ни угроз.
Я подбираю осколки обугленных звезд
В мокром песке. Где-то там, во Вселенной, война.
И кровоточит пробитая пулей луна.

* * *

И ночь придет туда, где через край
Стекает ржавый сок воды со снегом.
Железо пахнет вывихнутым веком
И волки снова ищут волчий рай.

И ты бежишь сквозь бесконечный сон
За горизонт, за край по вертикали,
Из шкуры вон, из чешуи деталей
К началу перепутанных времен.

* * *

Наши сны в книгу Алой и Белой луны
Аккуратно записаны кем-то и в видеоряд сведены.
И едва закрывая глаза, мы срываемся в бег,
Чтобы прыгнуть из мертвого века в родившийся век.

Так бежит через реку по льдинам не пойманный волк –
Через трещины, сколы, разломы, и слышит поток
То ли черной воды, то ли темного времени, то ли беды,
На снегу оставляя подплывшие кровью следы.

Это красной луны непонятный, но явственный зов –
То, что нас превращает в идущих по следу волков,
То, что нас заставляет бежать, не касаясь земли,
Оставляя тела на бегу в придорожной пыли.

* * *

И город затонул. Холодный дождь
Кругами разбегается по лужам.
Ты одинок, ты слаб, ты безоружен,
Ты никуда отсюда не уйдешь.

Ты пленник Атлантиды. В глубине,
На дне времен, среди немых созданий,
Ты связан, ты прикован, ты раздавлен
Обломками. Ты слышишь зов извне.

Далекий, еле слышный волчий вой,
Дрожащий от восторга и тоски.
И дыбом шерсть встает не по-людски,
И ты по-волчьи алой пьян луной,

Которая в зените над тобой,
И тянет, тянет душу, как магнит.
И сила притяжения звенит
В твоей крови натянутой струной.

* * *

Это красной луны притяженье. Это магнит.
Это тянется нить прямиком в лабиринты орбит
И ведет в небо красной, голодной и жадной луны
Из обломков планеты, из крепких объятий войны.

Этот мир остывает. Слабеет источник тепла,
Прогорает дотла, и скрипит под ногами зола.
На блуждающий в небе огонь, на огонь маяка
Нас швыряет с размаху тоска, чья-то злая рука.

Три сестры тянут тонкую ниточку сквозь времена,
И Безумие, Страх и Отчаянье – их имена.
Их дрожащие пальцы скользят по орбитам планет,
Заплетая дорогу на многие тысячи лет.

Ими свитая нить – притяжение алой луны –
Холодком, сквознячком, паучком пробежит вдоль спины.
В лабиринтах артерий дрожащая, тянет насквозь,
Как в игольное ушко, в земную продетая ось.

* * *

Но никто никуда не уйдет. Это сладкая ложь
О свободе от самой свободы. Дороги закрыты,
Закольцованы, скручены, заплетены в лабиринты,
И над ними сучит бесконечную ниточку дождь.

Мы застегнуты в городе, в доме, в одежде, в себе,
В паутине, во времени и в виртуальном пространстве.
Ни малейшего шанса сбежать или спрятаться. Разве
Пробивать головой ежедневно дыру в скорлупе.

Там – снаружи – светила на тонких цепочках орбит,
Шестеренки созвездий, пружины галактик. На взводе
Часовой механизм, и торжественно маятник ходит
Между ребрами слева, и эхо по венам гудит.

* * *

На пути на дороги твои я сплетаю невидимый кокон
Паутинки травинки дождем вышиваю и шелком
Где прореха дыра темной пастью изъяла щербато
Там из листьев осенних надежно пришита заплата

Не сойти тебе больше с пути и с дороги не сбиться
Полетит впереди огнеглазая черная птица
И клубочек покатится городом лесом мелькая
От болот гиблых мест уводя от обрыва от края

Я дорогу твою накрываю февральской метелью
От досужего глаза от злых языков от руки лиходейной
Я пути умываю дождями ветрами снегами
Чтобы в шаре хрустальном кристалле затеплилось пламя

* * *

Я живу в тишине. В тихом шелесте медленных туч,
В серой башне у самой черты горизонта, над морем.
Это древний маяк, и по стеклам его перед штормом
Пробегает зеленый и острый, как лезвие, луч.

От него зажигается в башне сигнальный огонь,
Запускается весь механизм. Штормовая сирена
Завывает, как дева морская, поднявшись из пены,
И торжественно вторит ее завыванию шторм.

Десять тысяч испуганных птиц от пределов земных,
Обезумев, летят и летят через край на тот свет,
В те края, где ни боли, ни страха, ни холода нет,
Где прозрачное море спокойно, и ветер затих.

* * *

Над городом как будто дождь висит,
И в нежной паутине тонут звуки,
И птицы разлетаются в испуге
Светилами, сошедшими с орбит,

Когда из дома выйдет человек,
Беспомощный и слабый, как букашка,
И в странствие отправится бесстрашно
В тот край, где никогда не тает снег,

Откуда нет возврата в этот мир,
Слепой и нежный, смутный и прозрачный –
Так электричка нас увозит с дачи
В обыденную логику квартир.

Как затянулся август наших дней!
Сады стоят, исполнены плодами,
И не истерлись летние сандалии,
Вот только стали вечера длинней.

Мы в царстве бесконечных вечеров
Друг к другу ходим в гости. На верандах
Пьем чай. И в город собираться рано.
Так далеко еще до холодов...

* * *

Там стынет степь, как тело на ветру,
И бледная трава сплетается с травой
В надежде сохранить тепло. Живой
Остаться и проснуться поутру.

Здесь, выкопав могилу для себя,
И череп и стрелу находишь в ней,
И по расположению камней
Определяешь круг календаря,

Круговорот, и птичий перелет,
Начало года и конец времен.
И, погружаясь в долгий зимний сон,
Вкушаешь мед. Осенний горький мед.

* * *

Тучи придут и дождями прольются,
Переполняя синие блюдца,
И реки в забытые русла вернуться,
И птицы с дороги уже не собьются.
Поднимутся ветры от края земли,
И рухнут державы, и лягут в пыли.

День будет красен, как рваная рана,
Начнется период распада урана.
Во прахе империй не сыщется след –
Нас будто бы не было. Будто бы нет.
Мир обледенел. Но за красной луной
Мы все же, как волки, вернемся домой.

* * *

Глина, рыжая глина, когда я стану тобой,
Выгнет кошачью спину темный курган степной.
Дернется львиная шкура, львиная шкура земли,
И прокатится хмуро рык по степи вдали.
И качнутся, и рухнут каменные дома,
Древние злые духи разочтутся сполна.
Сбрось их дома с обрыва, их сады разори.
Огненной львиной гривой гори их сарай, гори.
Я растворяюсь глиной. Я становлюсь травой.
Пусть глазами моими смотрит камень морской.
Тонких травинок пальцы пробивают бетон.
Слышите, постояльцы, я вас вышвырну вон.
Те, кто торгует плотью этой дикой земли, –
Больше вы здесь не живете. Ваши часы прошли.
Ваш песок пересыпан. Вам остается прах.
Лев выгибает спину и рычит на холмах.

* * *

Век поднимает железные веки.
Дождь.
Улицы, как полноводные реки –
Сплошь.
Звон колокольный, кованномедный
Пульс.
Льдинкою город тает бесследно –
Пусть.
Так уходила под воду Россия –
Помнишь, прилив?
Не Атлантида, а Киммерия – в миф.
Так растворялась в крови Украина –
Солью в воде –
Явно, но все же неуловимо, – здесь и нигде.

* * *

В рыбацкие сети летели осенние листья,
А в небе плескалась до самого дна синева.
Слова созревали, как яблоки на Покрова,
И горло сжималось от каждого нового смысла.
Слова созревали и падали с веток в траву,
Светились меж листьями мягким немеркнущим светом.
А рыбы в прудах ждали только попутного ветра,
Чтоб стаями сняться с деревьев и плыть в синеву.
Осенний прилив затопил города и сады,
Медвяной и лунной водой заполняя пределы.
Деревья стояли в дожде и тихонько гудели,
Как медные яблоки Китежа из-под воды.

О поющей воде, о танцующих травах, о ветре в ивах,
О воздушных стихиях вообще и об их обычаях.
Я с утра разбирал иероглифы в белом камне –
Об устройстве мира и сути всего живого.
Я бросаю в море бутылку с сухими листками
Подорожника. Там записано главное слово.

ЦИКЛ «С МОЛО БЕРЕЛА»

Колодец 1

мы смотрели в холодную темную воду колодца,
а оттуда тарачился кто-то, безмолвный и скользкий,
на осколки дробясь влажным плеском о мокрые доски.
тихо ахало эхо, свиваясь в змеиные кольца.

там, в колодце, на дне, в глубине, среди рыб и созвездий,
обитала вода, ее темные звуки и песни,
сгусток памяти, яркий и неуловимый до рези,
был как отблеск луны на железе мелькающих лезвий.

мимо окон высотки мы падали над городами
в волчью ночь, в ледяной океан, в лабиринты Эреба
и никак не могли долететь до поверхности неба,
чтоб коснуться зеркальной воды неживыми губами...

Колодец 2

помнишь: закат отражался в разбитых окнах,
пахло горелыми листьями и железом,
мертвый крыжовник у края небо порезал
и подтекало красным на серый порох...

грелся, как черная ласточка на ладони.
пропуск в один конец с запасной обоймой...
было паршиво видно и очень больно,
и никак не верилось, что вот, уже сегодня...

выпусти ласточку, милый, в голову веку –
время больших перелетов, чистого поля.
в синей воде колосья глаза кололи.
в тесном колодце лодка плыла за реку.

Колодец 3

а этот был полон до самого горла, до глаз
осенней ночной немотой, беспросветной, беззвездной,
бесслезной, со вкусом железа, колючей и острой,
царапнувшей где-то внутри, когда голос угас.

мы падали в темный колодец, во влажную жуть
и глохли, глотнув ледяного безмолвия снега,
до самого неба, до дна, вместо сна и ночлега,
до мертвого крика царапали пальцами грудь.

* * *

пахнет землей – разрытой, влажной, несытой –
мокрых полей окраина, неведомая страна...
кто-то бродил под дождем у самого дна,
чьи-то следы еще различимы, хоть и размыты.

гул голосов, оглохшая кровь рвет травы.
видит осеннее небо – я этого не хотел.
поле летит в облака, у истлевших тел
с жертвами октября неприветливые забавы.

темной жертвенной кровью меня напоили.
я захлебнулся ужасом, криком, водой соленой.
горлом память пошла, потекла со стоном
по остывшим губам, и слова на ветру остыли.

* * *

сумерки времени. кромка померкшего века.
умер великий в руинах забытого храма.
кровотечение реки – открывается рана,
гнильный нарыв под обрывками липкого снега.

ткань разрывается с треском, в рогоже прореха.
лопнул трухлявый мешок, унесло за три леса...
встретимся завтра, ты знаешь условное место –
два поворота на счастье до первого эха.

* * *

той день крилатий бився уві сні,
як б“ється птах, затиснутий у ребрах.
а хтось стоїть у полі просто неба
і просто в очі дивиться мені.

в очицях порожнеча. мить у мить
пташиним зойком крикне чорний потяг,
як птах, зринає з губ останній подих,
і я ще бачу, як той птах летить.

* * *

Не о скатертях белых мечтала, о белых полях,
Об избушке на курьих ногах, о сорочьей сорочке,
И глядел из кустов большеглазый доверчивый страх,
Словно волк на царевну глядит, ухмыляясь по-волчьи.

На полях прорастал белый снег, как опара в печи,
И метель лепетала и сыпала, и засыпала,
И лепила во сне колобки, и пекла калачи,
И выкладывала на расшитое вдоль покрывало.

На блины зазывала, и звякали ягоды бус
Земляничными льдинками, россыпью капель стекали...
Мягко сани стелили дорогу, и яблочный хруст
На горячих губах заливался осколками стали.

КАРТЫ ТАРО

Башня XIV

И мудрый архитектор, хитрый фраер
Не знает, как изменится рельеф.
Земной коры неторопливый гнев
В щебенку обратил элитный мрамор.

И башня рухнет. Вычурный нарост,
Взбесившаяся яма наизнанку,
Надежная, как безопасность банка,
Провалится в свой собственный навоз

И тот, кто думал дать щелчка луне
И время взять за бороду, разбился
О камни вечности, и воды Стикса
Над куполом сомкнулись в тишине.

Верховная жрица II

В моей ладони – властный блеск планет,
Лучей скрещенных режущие грани.
Как ножницы, кроящие по ткани,
Я время раскрою гирляндой лет.

Балет светил. В небесных зеркалах
Лик века отражен и неприкрашен,
И небо, опрокинутое чашей,
Заплещется в протянутых горстях.

Я зачерпну из Млечного Пути
Холодной вечности, и звездам брызну в лица
Не серебром из лунного копытца,
А молоком из собственной груди.

Маг I

Завороженный плясками стихий,
Я заблудился в полдень в дымном поле.
Горели травы. Пыль и пепел в горле.
И в небе чиркали стрижиные штрихи.

Шифрованные строчки, тушь, перо,
Стрижиного крыла летящий почерк,
Пророчество, где вместо даты – прочерк,
И в месте действия зияющий zero.

Разорванного неба серый клочок
Свисал прозрачной сетью над полями,
И ветер дул на угли в мокрой яме,
И я из сети рыбой выбраться не мог.

126 ЦИКЛ «С ТОГО БЕРЕГА»

Колесница VII

Колосьев колкий шорох, шелк дорог,
На скатерти стерни – тропинок нити,
Путей воздушных пляска в лабиринте,
Как спутанного кружева клубок.
От колыбели с липким молоком,
Которое облизывают сфинксы,
До лодки, до глотка воды в копытце,
До поля, распростертого платком,
Колеса комья глины разомнут,
Без умолку неся дороги тесто,
И в тридесятом царстве-королевстве
Ты будешь через несколько минут.

Императрица III

Рука, протянутая над рекой
С другого берега другой руке навстречу, –
Дрожащий мост, иглой проткнувший вечность,
А память нитью вьется за иглой.

Кто сохранит, кто выведет на свет
Из хаоса теней, из темноты забвенья,
Кто свяжет эти лопнувшие звенья
Прозрачной хрупкой жизни? Дай ответ.

На тонкой ветке стынет красный сок –
Рябина бусами засеяла округу
И тянет над водой нагую руку,
Сшивая берега наискосок.

* * *

По колено в снегу на бегу липким соком калины
На губах заблудился в полях захлебнувшийся сном,
И горела жар-птица на ветке, смеясь без причины,
Поутру раскрасневшись, лицо прикрывала крылом.

Ломкий мед мелким крошевом
скользко колотится в горле,
Липкий сок с деревянным прерывистым
стуком в висках...
Раскатились горячие бусы по мерзлому полю.
Снег летит и летит, и не тает в седых волосах...

* * *

Заблудись на дорогах моих, человек без лица,
Потеряй и дорогу, и самую память о ней.
Под копытами диких визгливых степных лошадей
Ты найдешь свою смерть.
Зверь и вправду бежит на ловца.

Я смотрю на тебя в перекресток прицела в упор.
Ты ничтожен и мал на моих неэвксинских полях.
Ты давно не испытывал страха, но в наших краях
Слишком резки края, и в крови захлебнется костер.

Я стою по колено в земле, почернев от золы.
Корни в сердце вырастают и рвут стебельки чабреца.
Убирайся в витрины свои, человек без лица,
И курганы плечами закроют меня от стрелы...

* * *

Легко волкам каленые клыки
В ликующую складывать улыбку
И слизывать по капле месяц липкий,
И с пулей бегать наперегонки.

И в логове выкармливать волчат,
И молоко из лунного копытца
Лакать взахлеб, и сладким льдом давиться,
И лихо одноглазое качать

В плетеной колыбели под кустом,
А после по полям, стелясь полынью,
Из плена ускользать обратно в зиму,
Чтоб воду в полыньях мутить хвостом.

* * *

так смотри на дорогу, бледней и молчи, и молчи –
все слова уже сказаны!
самым ценным подарком
во все времена оставались ключи,
если руки развязаны.

это знак обретенной свободы, ее воплощенная суть,
атрибут и орудие.
дверь откроется в осень, счастливым окажется путь,
и счастливым беспутье.

талисман, амулет сохранит тебя в долгом пути,
твое медное царство.
ты сумеешь уйти и обратно дорогу найти
и остаться.

ключ и яблоко, дом и ладонь, горизонт и тропа,
колокольчик у входа...
тихо звякнут ключами босые подружки – судьба
и свобода.

* * *

И обагренных листьев полумаски
В кровавом карнавале ноября
Срывает ветер, медного рубля
Не пожалев за лужу красной краски.

И небо в красных брызгах, и сады
И в горьком дыме тот же красный призывок.
На мокрых тротуарах пляшет призрак
И оставляет красные следы.

Так сладко стынет сердце на ветру,
Когда ночная гостя в подворотню
Проходит не спеша, как нож под ребра,
По коченевшему впотьмах двору.

Окончен маскарад на пустырях,
Дымятся кучи златотканной рвани,
И мы с тобой идем под фонарями
И не хотим висеть на фонарях.

136 ЦИКЛ «С ТОГО БЕРЕГА»

* * *

Колеса возвращались в колею.
Застывший на мгновение механизм
Возобновил динамику свою
С того момента, на каком завис.

Но что-то изменилось навсегда.
Как в шестеренки ржавая вода,
Проникла вечность на единый миг,
Как разрывает ночь далекий крик.

Система развалилась, и в горсти
Осталось то, что можно унести
Кусочек памяти и зернышко тепла,
И сломанная пополам игла.

* * *

День показался слишком длинным
Когда, преследуя слова,
Мы в клинописи журавлиной
Искали речи божества,
И в рокоте прибоя львином,
И не могли найти сперва.

Но скрип оставленных качелей
И жаркий хохот в синеве,
И дальние огни кочевий,
И теплый ветер на холме –
Все вдруг исполнилось значенья
И, наконец, открылось мне.

Язык был прост, и долгих гласных
Дыханье листьев на ветру,
И дрожь, и оторопь согласных,
Когда приблизишься к костру,
Легко, бесхитростно и ясно
Сказали мне, что я умру.

* * *

Все будет не так. Этот город нуждается в смерти.
Поверь, я совсем не шучу. Эти дряхлые камни
Становятся крепче от крови. Земля под ногами
Гудит веселее, когда в ней осколки железа,
Когда в них играют еще не рожденные дети
И не замечают набухшего красным разреза...

Когда мертвецы по ночам наблюдают из окон,
Как в узких дворах убивают друг друга живые.
Ложится горячая плоть на его мостовые,
Бессильными пальцами белый бетон согревая,
Сигнал подавая летящим в грозу самолетам
С переднего края.

Мне давно по сараю. Планета летит наугад.
От смены давления жидкий азот закипает,
Вздуваются вены, как череп Шалтая-Болтая,
И кровь из ушей потихоньку стекает по шее,
И голому городу новый кроится наряд.
И город взлетает, в дыму и огне хорошея.

С повязкой на мертвых глазницах, в ажурных бинтах,
В рубиновых каплях и кружеве пепла и пыли,
Кружась в развороченной взрывами братской могиле
И нас проклиная, он будет плясать на костях.

* * *

На запекшихся черных губах тают красные вишни.
Я уйду, как и ты – босиком по холодной воде,
Отражаясь в тумане и не оставаясь нигде,
Вычитая себя отовсюду, как третий и лишний.

Я прощаюсь. Мне так не хватает последних минут!
А с другой стороны надышаться и не наглядеться...
Что-то в воду упало. Всплеснуло и дрогнуло сердце –
Это с яблоком рыба играет у дальних запруд.

Серебристое гладкое зеркало. Только круги
Разбегутся от яблока. До тридесятого царства
Я уже по колени в воде. Я смогу надышаться,
Пока вишни стекают с опущенной в воду руки.

* * *

День был белым, как молоко.
Над рекой текли облака.
И молочной стала река –
Мне хватило бы и глотка.

Стыли зубы от стали льда,
И рябиной хрустели всласть.
Конь и всадник, одна напасть:
Красный сок стекал изо рта.

На промерзший до звона снег,
Как с разорванной нитки бус.
А во рту был соленый вкус
Молока из подземных рек.

* * *

И что-то сломалось во мне, как ломается нож,
Наткнувшись на ребра, и лезвие в теле засело,
Застряло в кости острием и тихонько запело...
Воды из Каялы крылом на лету зачерпнешь.

Сады собираются в стаи, им нужно лететь
На теплые звезды от пустошей мертвой земли.
Зеленые крылья сплелись и корнями вросли
В холодное яблоко неба, в звенящую медь.

Бубенчики яблоч звенят над Каялой-рекой,
Над черном разломом, над липким железным осколком.
Найди в медном яблоке злую стальную иголку
И шей берега, и холстами поля перекрой.

* * *

Осень, мокрая, как птица,
Улетала в теплый вырий,
С обожженных красных крыльев
Рассыпая медяки.

На обугленных страницах
Райнера Марии Рильке
Вместо букв бежали искры,
Чтобы дописать стихи.

По полям плясало пламя
На углях в лукошке года,
Язычком последней спички
Норовя слизнуть звезду.

И стояла вместе с нами
Наша девочка Свобода
В ожиданье электрички
На распластанном мосту.

NEMO

* * *

Як у білому човні, плыве очманіла споруда.
Хтось гукає до нас з недалекого краю міста.
Марна праця – оце гукати, марна й марудна.
Мертвим сном поснули оселі, стулившись міцно.

Що там буде ізранку, як ми підіймемо вії, –
Може, голий степ, може, – геометричний хаос.
Пустотливі птахи витягують голі шиї
І сміються із нас, наче діти, що чинять капость.

На хвилинки розсиплеться хвиля моїх побажань.
Тиша всотує зойки з далекого світокраю,
Щоб ви жили, як чули, у брамі своїх відчужань,
Щоб до вас приходило літо, яке я знаю.

* * *

Це не серпень, це поки що мріяння, поки що сон
Про високу, як подих у полум'я, попільну спеку.
Це улюблена гра, що стає ритуалом, це легка,
Це безжурна пора промовляє в купальський вогонь.
Я навпомацки знайду, навприсмак, незайману мить,
Я відчую відлуння, що сховане в місяці горном,
Як стікають часи у годинник плетінням століть,
Як пісок розпадається миттю під хвилями моря.
Я шукаю тебе, моє серце, де глина і сіль.
Той пісок на зубах – твоя мова, ще незрозуміла.
Це коріння в мені проростає, тремтить від зусиль,
Як бджола або вуж, що вгризається в ґрунт знавісніло.

* * *

Чи ти бачив колись, як каміння тамує подих,
Смерть зриває посмішку просто з самого рота?
Камінь – як немовля, сповзає в оту дрімоту,
Що стоїть у сутінках біля мостів на водах.

Тінь стікає краплями в темну, як око, річку.
Камінь пада на дно, і по колу ідуть хвилини,
Наче вічність, тане крижинками з серцевини,
Розтікаючись часом, водою та власним віком.

У камінні сховано біль і вселенський овид.
Я зринаю з дерева птахом, немає спини.
Ти з долоней ковтаєш вічність холодну, розчинну.
Немовля уві сні відчуває свій давній спогад.

* * *

Хочеш, я розповім тобі про безсмертний ліс,
Де дерева вгризаються в небо та п'ють, як коні,
Де коріння з біллю виборсується з землі,
Як цупкі, шарудкі та хижі міцні долоні.

Там живуть вовки й ведмеді, тамують жах,
Що прихований в стовбурах і в гілках, і в листі,
Там живе величезний, з дівочим обличчям, птах –
Коли він кричить, його чути аж тут, у місті.

Там живе ніколи ніким не бачений звір.
Він ховається в хащах, а в пащі – квітка стожарна.
Там, де папороть... чуєш, – лише повір:
Ти до мене прийдеш, а шлях тобі скажуть хмари.

* * *

Кінь.
Він має ніздрі.
Він пирхає зле й гаряче.
Око його залізне
Наче вогнем налите.

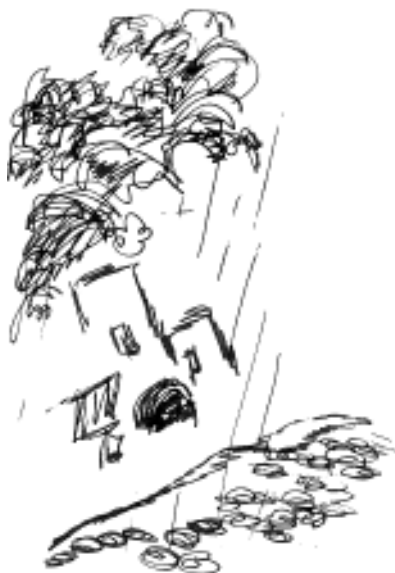
Стану конем.
...А коні плачуть...
То я віддячу
Чотирма копитами срібними
Ковалеві за куте літо.

Стану конем,
І шкіра, і грива мої полум'яні
Тануть зойком у рані степу.

Піду до сонця
Й візьму його вогонь,
Як гарячу воду.

Чи чуєш, як степ дзвенить?
Я ношу на собі волю.

* * *

Ми вивчаємо знаки, аби дізнатись,
Про що мовчати.
Наша мова – мовчання. Не риби, а ми, – німі.
Ми самими очима
Розписуємо ті чати,
Де чатуємо в час війни.

Виє вода безслівно, і час лунає.
І минає місяць, і хмари мовчать дощем.
Ми знаходимо знак тогосвітній, бо гра є
Відшукати, де причаївся той щем.

* * *

Тихше, ніж кішка, що бігає сходами зранку,
Тихше, ніж дощ, що з удосвіта бавиться садом,
Тихше, ніж яблуко падає з мокрим обличчям,
Я буду шукати тебе у твоїй порожнечі.

* * *

Блукати у яблуках жовтих, рожевих, зелених,
Як той, що блукав між планет і зірок у долині,
У космосі сплячого саду, де хижі тварини
Очима зірок кожен крок випивають, як келих.

Де музика ллється по крилах мовчазних птахів,
Краплинами дощичку досвіту в тиху дрімоту,
Де ти вже позбувся турбот і покинув роботу
Лічити пісок і пригадують схований спів.

Той спів, що блукав у саду між зірок і планет
У яблуках жовтих, прихований у серцевині,
Де пошепки дощик співа колискову дитині,
А в яблуках схована вічність, солодка як мед.

* * *

Слова народжуються, щоб вбивати.
Червоно-чорні квіти, як багаття,
Підпалюють скуйовджену жорству.
У мертвих травах гине день. Живу.
Останнє світло, срібне, наче дзвін,
Співає колискову спогадкову,
Де кінь спіткнувся й загубив підкову,
І вершника у травах загубив.
Як бджоли, кулі заховались в кров
Червоно-чорну – вогняне багаття,
Знімілу, поки ще лунає спів...
Земля народжується, щоб мовчати,
Або вмирати, як немає слів.

* * *

Мед і віск на яблуках жовтих. Гаряче сяйво.
Чуєш, бджоли ведуть басову партію співу?
Фуга зливи буде глибока і некваплива.
І дитячий хор пролунає від небокраю.

МАРСІАНСЬКІ ВАКАЦІЇ

* * *

Я спав у нетрях міста восени
І уві сні я мав собі розмову
Із мавченням, і слухав колискову –
Як дід ховає місяць в рукаві.

Така неактуальна маячня –
Стара мара, дитяча забаганка.
Я встав о п'ятій, майже на світанку,
Бо мав відчути дотик цього дня.

І я відчув його, як певний час,
І вийшов, користаючись з нагоди,
Свою наздоганяючи свободу.

І то була вакація на Марс.

Сон
P. S.

Очі звірячі вирячив,
Шпарко та важко дихаючи...
Пазурі, щелепи, ікла...
Ось наїжачився – плигне.
Звір чи не звір – празвір.
Ліс чи не ліс – праліс.
Крок і якась радість.
Сон уривався там десь.

* * *

Все мало їхати: з квитками й без квитків,
Із мотлохом і без, додому чи із дому;
Все гналося та перло до вагону,
А над юрбою плив нечутний спів.

О, я їх чув, ті дивні голоси,
І пісню знав напам'ять, як молитву...
...А потяг вже розпочинав гонитву
За часом, втрученим між іншої часи...

Спів коліс

Все має рухатися, аж доки жиє.
Вода не знає спину, шлях зростає,
Як дерево. Летять на південь зграї.
Воли ідуть по зорях. Промайне

В вікні вагону натовп на пероні,
Травою вкриті колії, мости,
Закрайки міста, яблуні, світи –
І спів коліс затьохкає у скроні:

Все має рухатись, тому що все мине.
Майбутнє утікає у минуле.
Біжи щодуху по чолу земної кулі,
Аж доки тебе мить не дожене.

* * *

І потяг рушив із Землі на Марс.
А за вікном спливали, як хвилини,
Будівлі та засіяні долини.
І простір танув, як спливає час.

Той потяг швидко протина світи.
Та їхав по тенетах за маршрутом,
Щоб зупинитись там десь, у майбутнім...
Я був як у скафандрі самоти,

Я був сповитий нею, як дитя,
І шлях сприймав у себе, наче подих,
І у відкритий космос вийшов потяг,
І щоку студило передчуття.

Знов спів коліс

Передчуття, передчуття
Ще небувалою життя.
Та розтрощиться на шмаття
Мара міського забуття.
І ти втікаєш, мов дитя,
Від небуття,
Від небуття.

* * *

Я зійшов на черговій зупинці, –
Бо Марс приймає тільки поодинці, –
І просто неба йшов собі в полях.
Якийсь незваний птах свистів з узбіччя,

Випрохував і зазиравав в обличчя,
І струнчив шлях.
Рудий, червоний, синій, сивий ґрунт,
Руді, червоні, сині, сиві трави,

Як хмари, плили поруч і зникали.
І путь стояла вгору,
Як сходинки у космос, до споруд,
До зоряних палаців, до галактик,

У веселкові брами математик.
Я бачив, як пісок тече угору,
Годинник крутить стрілки навпаки,
І навпаки течуть піском роки.
Я бачив час.

...Урвався шлях, і я прийшов на Марс.

* * *

Я тут був. Я либонь до народження бачив цей вітер.
Я лежав на піску та гойдався з верхівками трав.
Я той вітер ковтав разом з йодом і сіллю. Я знав
На ім'я кожен камінь, вдивляючись в очі відкриті.

Я був сином червоного з блиском багряним піску
Та лілового неба, де хмар не бувало одвіку.
Я те біле каміння жбурляв просто в висохлу річку
І крізь зуби наспівував казку дитячу – жаску.

Я раптово згадав ту мелодію, зніяковів,
Мимоволі зігнувся, торкаючись пучками ґрунту.
Щоб знешкодити в тілі та крові загуслу отруту,
Я закинув до рота шматок цього ґрунту – і з'їв.

* * *

Шкіра, обпалена сонцем, злазить лахміттям.
Я буду жити.
Їсти червону цеглину хрусткого ґрунту –
Без упину, довіку, до скону,

Бо розпалене сонце співає мені колискову,
Що немає смерті, що навіть мертві не мертві,
Ті, що входять у дім і з нащадком сідають за стіл.
...Тихо сиплеться сіль,

Що у них на вустах... П'ють розчинну
Сіль і сіллю освячують шлях.
Шкіру знято, і сиплеться сіль
На голівку і тіло...

Щоб тендітне біляве коріння у ґрунті засіло.

* * *

Щодо історії – вона тут у повітрі,
Розчинна, наче кава, наче сіль.
Ковтаєш вітер – відчуваєш більь.
Горлянку ріже ніж, прихований у вітрі.

Уламки древніх міфів у траві.
Каміння біле з цятками-очима.
Карбована ерогліфами глина.
...Шукає вітер – де тут є живі...

* * *

А у ліловому небі блакитний місяць, як кулька,
Далека планета хтива, як покинута любка,
Як чарівна царівна, по неї я не поїду.
Мрія чи діва – квітка начебто з того світу.
Згадка, мара, дурниця –
Я ж бо не повернувся.
...Раптом таке насниться
У готичному дусі...
Наче русалка, холодна,
Наче магніт, ваблива.
Випромінює воду.

Я захлинаюсь у зливі.

* * *

Я повертався вночі серед білих реклам
Просто в рядки паперового мертвого міста.
Я був порожній, як пляшка, позбавлена вмісту,
Як голлівудське муві чи містичний роман.

Я залишився на Марсі – блукати між гір,
Слухати вітер і дощ, розмовляти з камінням.
Я привезу на шузах поналипле насіння
Марсових трав і за містом засію пустир.

ЖУРНАЛ СМОТРИТЕЛЯ МЯКА

04. 01. 14.

если ночью поднимется ветер – начнется прилив,
и зальет деревянную лестницу до половины.
каменистый обрыв загудит, и морские глубины
ровным гулом ответят на радостный первый порыв.

я проснусь от удара под сердцем, от звона в груди,
в напряженном молчании острова, в каменной дрожи,
я услышу, как пенным хвостом хлещет темная лошадь,
на дыбы поднимая соленые волны. прочти

за чертой горизонта послание дальних штормов,
время зимних ветров и бессонных ночей на пороге.
мы еще постоим у окна и помедлим немного,
и запустим огонь маяка в пелене облаков.

05. 01.14.

утром снаружи свистело и выло, лило
тоннами серой воды разбивало причалы,
мокрым песком и камнями швыряло в стекло.

остров трясло. и в грохочущих волнах рычало
нечто, еще незнакомое нашим богам,
нечто, рожденное в темной груди океана,

ночью покинуло своды подводного храма,
и поднялось на поверхность, и двинулось к нам.

08.01.14.

в полдень ветер усилился. к двум стало просто темно.
в мешанине дождя перепутались волны и тучи.
штормовая сирена вопила на башне беззвучно,
сотрясая отчаянной дрожью скалистое дно.

что-то выло и ухало, хлопало, билось в окно,
древний бог увлечен ритуалом, и пляшет снаружи.
а в наушниках только помехи, и можно не слушать -
и сегодня в открытое море не выйдет никто.

08.01.14. (ночь)

кто живет в моем заливе? - волны, рыбы и дельфины,
крабы, чайки и русалки,
и подводная трава.

а ночами в час прилива там купается стыдливо,
пробежав по мокрой гальке
обнаженная луна.

как с серебряной дорожки тронет воду тонкой ножкой.
выгнет спинку, прыгнет с плеском,
засмеется вдалеке.

я наутро в мерзлых лужах горсть сияющих жемчужин
с ледяным знакомым блеском
соберу в морском песке.

09.01.14.

дни приходили, как письма с переднего края,
как перелетные птицы, летели на остров,
с криком кружили над серым оскалом утесов,
в окна влетали, как ласточек дерзкая стая.

белые дни, и такие же белые ночи,
темные ночи, и белые звезды над ними.
я не позволю, и больше никто не погибнет.
хватит. мне были даны на сей счет полномочия.

19. 01. 14.

слушай эфир. глубже, в толще кипящей воды,
между волнами, в клокочущих темных провалах,
звук захлебнется, и гула в ушах тебе мало,
чтобы почувствовать мозгом уколы беды.

радиоиглы насквозь пробивают висок,
точка, тире - обрывается ниткой со звоном
треск и помехи в наушниках. в космос бессонный
рвется беспомощным писком земной голосок.

где-то на дальней планете, неведомо где,
кто-то отчаянно шлет нам сигнал за сигналом,
всю бесконечную ночь, а пространство молчало,
глухо молчало в грохочущей черной воде.

23. 01, 14.

утром ветер утих, и на остров пришла тишина,
в ледяных башмачках,

и холодными пальцами тронула воздух,
белым звоном в песке прозвенели застывшие слезы,
покатились с ладони, и сразу настала зима.

запрокинув лицо в голубые глаза января,
к онемевшей воде по стеклянным ступеням
спускаюсь бесстрашно.
неподвижно летит в зеркалах отраженная башня
голова закружилась слегка от глотка серебра.

26. 01. 14 (ночная песенка)

на границе звенят леденцы - заблудилась весна,
забрела в зимний сад, перепутала лед с молоком
по песку босиком, с облаками вприпрыжку бегом,
расплескала ведро серебра из январского сна

лебединые девы встают в январе на крыло
собираются в белые стаи, летят над водой,
на маяк, и кричат, и кружат над его головой.
белых перьев сугробы у наших дверей намело.

28.01.14.

оттепель. Господи, капает с мокрых тросов.
ветер, влажный и плотный, качает остров.
трогает тонким пальцем белую проседь
в трещинах скал, в тени гранитных откосов.

разве я плачу? глянь - это же ветер просто,
солнце слепит глаза, вот и катятся слезы.
вот и песок показался мокрой полоской
и лед, на куски разбитый, волна уносит.

все. пережили мы эту долгую стужу.
ну-ка пойдем поглядим, что случилось снаружи.
целая жизнь впереди, и целое лето,
чайка кружится в груди на ладони ветра.

01.02. 14.

заледенели ступени и доски причала,
злые недели летели метелями к югу.
скалы ночами качало, и стужа снаружи
внутри пробиралась, и выла под окнами выюга.

в наших песочных часах пересыпались льдинки.
переверни - и стеклянно закапает с крыши.
слышишь, на башне ветров небольшое затишье?
ну-ка, тащи сюда переводные картинки.

01.02. 14. переводные картинки)

это море, а это маяк. это ты, это я.

это наша собака, а это - ничейная кошка.

это дом и сарай, а у дома - пустая сторожка,

мы там сети храним, а еще там стоят якоря

с неизвестных ни мне, ни тебе, - никому - кораблей,

утонувших, ушедших за край горизонта, забытых.

знаешь, прежний смотритель читал перед ними молитву.

надо вспомнить, какую, спросить у самих якорей...

03. 02. 14.

морозных звезд круговорот,
дорога в вавилон.
свеча горит. с холма на мост,
потом - с моста на холм
ночь напролет иди вперед,
покуда длится сон.

пока в ладони тает лед,
покуда жжет ладонь,
пока не сбился ход светил,
и спутан путь времен,
беги вперед, пока горит
на маяке огонь.

07.02.14.

уж как пал туман,
белым волком лег.
белых яблок сок
с белых яблонь тек.
тонет белый сад
молоке до пят.
маяке не спят
пять ночей подряд.
то ли сладким льдом,
белым ли стеклом,
то ли долгим сном
залило наш дом

09. 02.14.

где-то горят города за чертой горизонта.
горсть разноцветных огней в черном зеркале ночи,
брызги стеклянных витрин.
хочешь, пошарим в эфире, отыщем на ощупь
сквозь бесконечные сводки и новости с фронта
музыку темных глубин?

колокол гулкий над нами, колодец бездонный, –
сколько не лей молока, не наполнишь вовеки
темную чашу времен.
с дальнего края вселенной, сквозь дыры-прорехи
к нам позывные летят, еле слышные звоны,
яблочных звезд перезвон.

**так горела полынь на закате девятого неба.
солью ела глаза и от дыма саднило в груди.
расходилась кругами дорога за ворот. Дожди
добирались наощупь насквозь до сердечного нерва.**

**время тлело в осеннем костре, время медленно жгло
то ли травы, а то ли печали, и все не сгорало
и по пальцам текло золотое тепло, согревало
и прибрежный песок, и ладони, и было тепло.**

СОДЕРЖАНИЕ

«я пишу на осенних листьях...».....	5
-------------------------------------	---

КАМЕННАЯ КНИГА

«А когда налетели грачи, мы надели шинели...».....	8
«А дом качался на ветру...».....	9
«И кузнечик сидел на подушке, конек-горбунок...».....	10
«Перед сожжением прочти...».....	11
«А потом на осенние улицы вышла война...».....	15
«А дни идут потоком черной крови...».....	16
«Возьми в подарок горсть моей земли...».....	17
«Смотри – твоя свобода над костром...».....	19
«Если не думать о холоде ночью, сойдя с поезда...».....	20
«И вот уже время готовится в самоубийцы...».....	23
«Мы не исчезли, мы ушли в траву...».....	25
«О песчинке; о том, из чего состоят времена...».....	27
«А вы и не знали, что мокрое дерево пахнет ванилью...».....	28

«На смуглые ноги – плетение пестрых сандалий!..».....	29
«Поэт проходит городом, как миром...».....	30
«Темный путь и колючей воды равнодушная гладь...».....	31
«Пути перепутаны, травами тропы увиты...».....	32
«Через тысячу лет или более тысячи лет...».....	33
«Композиция в музыке – это отход от жесткой...».....	34
«Дорога пахнет дымом. Стынет тень...».....	35
«Над городом птицы, как черные проклятых души...».....	37
«Евтерпа, Клио, Каллиопа...».....	39
«Нова міфологія бавиться вистиглим містом...».....	41
«Чернорабочие руки и белые строки...».....	42
«Ника не понять – а витрины льбятся!..».....	43
«Здесь под вечер темнеет в глазах и сгущается страх...».....	44
«Вчера ты был счастлив, вчера ты был раб...».....	45
«Узнаю – на ощупь...».....	47
«Стынет окнами дом, облетает снегами январь...».....	49
«Онемевший поэт и ослепший художник...».....	50
«Над спокойной водой...».....	52
«А мне-то что? Мне зимний...».....	54

«Ну что же, похоже, мне нечего больше сказать...».....	56
«А мы все о любви да о печали...».....	57
«Что с тобой, птица, ты где потеряла ботинки...».....	58

ПОЛНОЕ ЗАТМЕНИЕ

«Дрожит земная ось, гудит, дрожа...».....	60
«Не город откинулся навзничь, а ты умираешь...».....	62
«А я гляжу в холодное окно...».....	63
«я дышу перегаром империй...».....	64
«Жадный, грязный, простой, равнодушный...».....	66
«И дело не в русской Музе...».....	69
«Мы лежим на обочине. Наши тела не остыли...».....	71
«И мир над ним свершал круговорот...».....	72
«Под Рождество на город пал туман...».....	73
«Мертвые уходили...».....	74
«И бледный ряд бесплодных фонарей...».....	76
«Куда ты ведешь нас, дружок Крысолов...».....	79
«Прости этот страх. На ладонях засохшая грязь...».....	81
«Отстрелялась моя пехота...».....	82
«И как – уму непостижимо...».....	84

«Входи, входи, бродяга Франсуа!..».....	86
«О мой всадник измученный, где нам друг друга искать?..».....	88
«Мы уносим не смерть, только самую память о смерти...».....	89
«Моя девочка, руки твои в своих стынувших пальцах...».....	90

КНИГА АЛОЙ И БЕЛОЙ ЛУНЫ

«В холодных подворотнях стынет свет...».....	92
«Что-то случилось. Луна кровоточит всю ночь...».....	94
«И ночь придет туда, где через край...».....	95
«Наши сны в книгу Алой и Белой луны...».....	96
«И город затонул. Холодный дождь...».....	97
«Это красной луны притяженье. Это магнит...».....	99
«Но никто никуда не уйдет. Это сладкая ложь...».....	101
«Прикасаясь, рука не оставит на вещи следа...».....	103
«На пути на дороги твои я сплетаю невидимый кокон...».....	104
«Я живу в тишине. В тихом шелесте медленных туч...».....	105
«Над городом как будто дождь висит...».....	106
«Там стынет степь, как тело на ветру...».....	108
«Тучи придут и дождями прольются...».....	109
«Глина, рыжая глина, когда я стану тобой...».....	110

«Век поднимает железные веки...».....	111
«В рыбацкие сети летели осенние листья...».....	112
«Я живу один. Здесь только пески да глина...».....	113

ЦИКЛ «С ТОГО БЕРЕГА»

Колодец 1.....	116
Колодец 2.....	117
Колодец 3.....	118
«пахнет землей, разрытой, влажной, несытой...».....	119
«сумерки времени. кромка померкшего века...».....	120
«той день крилатий бився уві сні...».....	121
«Не о скатертях белых мечтала, о белых полях...».....	122
<i>Карты Таро</i>	
Башня XIV.....	123
Верховная жрица II.....	124
Маг I.....	125
Колесница VII.....	127
Императрица III.....	128
«По колено в снегу на бегу липким соком калины...».....	129
«Заблудись на дорогах моих, человек без лица...».....	130

«Легко волкам каленые клыки...».....	131
«так смотри на дорогу, бледней и молчи, и молчи...».....	132
«И обгаренных листьев полумаски...».....	134
«Колеса возвращались в колею...».....	137
«День показался слишком длинным...».....	138
«Все будет не так. Этот город нуждается в смерти...».....	140
«На запекшихся черных губах тают красные вишни...».....	142
«День был белым, как молоко...».....	143
«И что-то сломалось во мне, как ломается нож...».....	144
«Осень, мокрая как птица...».....	145

НЕМО

«Як у білому човні, пливе очманіла споруда...».....	148
«Це не серпень, це поки що мріяння, поки що сон...».....	149
«Чи ти бачив колись, як каміння тамує подих...».....	150
«Хочеш, я розповім тобі про безсмертний ліс...».....	151
«Кінь...».....	153
«Ми вивчаємо знаки, аби дізнатись...».....	156
«Тихше, ніж кішка, що бігає сходами зранку...».....	157
«Блукати у яблуках жовтих рожевих зелених...».....	158

«Слова народжуються, щоб вбивати...».....	159
«Мед і віск на яблуках жовтих. Гаряче сяйво...».....	160

МАРСІАНСЬКІ ВАКАЦІЇ

«Я спав у нетрях міста восени...».....	162
Сон. Р. S.....	163
«Все мало їхати: з квитками й без квитків...».....	164
Спів коліс.....	165
«І потяг рушив із Землі на Марс...».....	166
Знов спів коліс.....	167
«Я зійшов на черговій зупинці...»«.....	168
«Я тут був. Я либонь до народження бачив цей вітер...».....	170
«Шкіра, обпалена сонцем, злазить лахміттям...».....	171
«Щодо історії - вона тут у повітрі...».....	172
«А у ліловому небі блакитний місяць, як кулька...».....	173
«Я повертався вночі серед білих реклам...».....	174

ЖУРНАЛ СМОТРИТЕЛЯ МАЯКА

04. 01.14.....	176
05. 01.14.....	177

08.01.14.....	178
08.01.14. (ночь).....	179
09.01.14.....	181
19.01.14.....	182
23.01,14.....	183
26.01.14 (ночная песенка).....	184
28.01.14.....	185
01.02. 14.....	186
01.02. 14. переводные картинки).....	187
03.02. 14.....	188
07.02. 14.....	189
09.02. 14.....	190
«так горела полынь на закате девятого неба...».....	191

Издательство «Optimum», 2014
(на русском языке)
Литературно-художественное издание

Юлия Петрусевичюте
АРХЕОЛОГИЯ ПЕРЕКРЕСТКА
Стихотворения

Издатель Борис А. Эйдельман.
Редактор И. Р. Харитонкина.

Подписано к печати 14.02.2014. Формат 70x100/32.
Бумага офсетная. Гарнитура PetersburgCTT. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,78. Тираж 250 экз. Заказ № _____
Издательство «Optimum», 65045, г. Одесса,
ул. Спиридоновская, 9.
Тел/факс (048) 726-48-98; тел: (048) 794-12-42;
(094) 950-42-42.

Лицензия ДК № 927 от 23.05.2002 г.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ООО "ВМВ",
65053, г. Одесса, пр-т. Добровольского, 82а.

По вопросам приобретения
книг об истории Одессы,
а также издания книг
любых жанров и тематики
обращаться:

Издательство «Оптимум»

65045 г. Одесса, ул. Флоригоновская, 9

тел. (048) 726 48 98, (094) 950 42 42

(048) 794 12 42

e mail: optimum1@ukr.net